

После этого отец обычно шёл в гостиную, садился рядом с журнальным столиком, мама звала тётю подавать еду, а затем, сияя от счастья, расставляла посуду, её глаза, полные звёзд, не отрывались от отца.

Втроём они ужинали за журнальным столиком.

Мама не умела готовить, только делала сладости, её руки были мягкими и изящными, никогда не знавшими тяжёлой работы.

До встречи с отцом она работала учительницей танцев в городском доме молодёжи.

После встречи с ним она стала его тенью.

— Брат Чжоу.

Телефон звонил уже некоторое время, прежде чем Цзян Дун очнулся, взглянул на экран и поднёс трубку к уху.

— Эй, Дунцзы, занят?

На другом конце провода раздался слегка грубоватый мужской голос, который, хотя и принадлежал человеку, которому ещё не было тридцати, звучал как голос сорокашестилетнего.

— Нет, только что закончил урок. Есть работа?

Брат Чжоу кивнул.

— Нет работы, зимой птиц мало, в моём магазине тихо, если так пойдёт, скоро вообще не останется ни одной птицы.

Цзян Дун молчал.

Брат Чжоу не удивился, зная, что этот парень всегда был замкнутым и мало что могло его заинтересовать, поэтому перешёл к делу:

— Мой племянник, Чжоу Хуэй, помнишь? У него на следующей неделе день рождения, я думаю подарить ему птицу. Парень, как и ты, любит возиться с птицами. Можешь прийти, помочь выбрать? Я угощу.

Цзян Дун усмехнулся, приподняв бровь.

— А те клетки на верхней полке в твоём магазине не подойдут? Там и гигантские клювы, и тигровые попугаи, закрой глаза и выбери любую — он будет в восторге.

— Эх, — брат Чжоу засмеялся. — Этих я ему не отдам, они — гордость моего магазина, ни за какие деньги не продам... Когда у тебя заканчиваются уроки? Я могу тебя забрать, сходим на птичий рынок?

Цзян Дун посмотрел на Сюй Фэя и Чэнь Чжэньюя, идущих впереди, и задумался. Он, как человек, который не обсуждает учёбу в общежитии, уже почти закончил домашнее задание, а последний урок был самостоятельной работой, и, вероятно, учителя не будут следить.

— В четыре, — сказал он. — Жди меня в привычном месте. Надо побыстрее, иначе рынок закроется.

— Договорились, — брат Чжоу быстро положил трубку.

Ровно в четыре, без пяти минут три, Цзян Дун уже оделся и вышел.

До начала самостоятельной работы оставалось пять минут, и, проходя мимо двери, он увидел Ван Пэна, возвращающегося после перерыва. Ван Пэн остановил его:

— Куда собрался? Опять прогуливаешь?

Цзян Дун был в хорошем настроении, поднял глаза и ответил:

— На работу, деньги зарабатывать.

Ван Пэн приоткрыл рот, брови его дрогнули.

— ...Ну, иди тогда.

Выйти из школы оказалось непросто, так как уроки ещё не закончились, и Цзян Дун не мог пройти через главный вход. Ему пришлось избегать камер и директора, который любил бродить по школе, а также забежать в общежитие, чтобы переодеть школьную форму, иначе было бы неудобно выходить.

Школа при университете была большой, забор был окружён колючей проволокой, и лишь в одном месте можно было незаметно выбраться — у стены рядом с общежитием для преподавателей.

Поскольку там находились в основном общежития, а здание преподавателей было на окраине, внутри располагались студенческие корпуса. Руководствуясь принципом «знаешь, где опасность, но идёшь туда», камер здесь было меньше, а стену было проще перелезть.

Цзян Дун был налегке, на нём не было ничего, кроме одежды, даже рюкзака. Дойдя до привычного места, он легко запрыгнул на аккуратно сложенные стройматериалы, упёрся руками в верх стены и с лёгкостью перебрался через неё.

Едва коснувшись земли, он услышал свист.

— Эй, круто.

Цзян Дун невозмутимо обернулся и увидел брата Чжоу, прислонившегося к Хонде, припаркованной у стены. Тот ухмылялся, глядя на него.

Встав, он отряхнул несуществующую пыль и первым сел на пассажирское сиденье.

— Поехали.

Птичьи рынки обычно не располагаются в шумных и оживлённых районах города, потому что это не подходит для птиц и не вписывается в городскую среду. В городе Ань было несколько птичьих рынков, как частных, так и подпольных, но самый большой и оживлённый находился на окраине, и, чтобы добраться туда на машине, требовалось около полутора часов.

Зная, что времени в обрез, а брат Чжоу хотел поскорее выбрать птицу для племянника, он сразу перешёл к делу. Как только они сели в машину, он достал с заднего сиденья пакет и сказал:

— Ты ещё не ел? Тут есть лепёшки с ослиным мясом, я купил шесть, съел две, остальные можешь перекусить. После дела угощу тебя горячим котелком.

Цзян Дун без церемоний открыл пакет и начал есть. Лепёшки, видимо, только что из печи, были хрустящими, а перец и кинза внутри — свежими. Сок и мясо смешивались во рту, издавая хрустящие звуки, единственным недостатком был их размер.

Съев одну за три-четыре укуса, он потянулся за следующей и спросил:

— Какую птицу ты хочешь ему купить?

Брат Чжоу, за рулём уже более десяти лет, имел множество вредных привычек. Одной рукой он небрежно держал руль, другой опирался на окно, задумался и честно ответил:

— Не знаю. Хотя он и не такой, как ты, но у парня тоже глаз намётан. Если птица будет некачественной, он не захочет. Что посоветуешь? Цена не имеет значения.

— Хуамэй, — сказал Цзян Дун.

— Хуамэй? Не слишком ли...

— Слишком просто?

Брат Чжоу промолчал.

— Хуамэй размножаются летом, сейчас не сезон, к тому же они сейчас в уязвимом положении, найти хорошего будет непросто, как отправиться в путешествие в конце света. Если Чжоу Хуэй любит возиться, тебе придётся потратить немало времени на поиски молодой птицы. Лучше взять первоклассного птенца, подготовить всё необходимое, включая корм и аксессуары, приучить его к рукам, всё это обойдётся в две-три тысячи, не так уж дорого. Но если Чжоу Хуэй хорошо ухаживает за ней, а потом надоест, можно продать с прибылью. Это выматывает.

Это был первый раз, когда Цзян Дун так подробно объяснял брату Чжоу. Тот долго не мог прийти в себя, что вызвало нетерпение у водителей, стоящих в очереди на выезд из города. Они уже начали сигналить, готовые выйти и спросить, не уснул ли он за рулём.

Закончив, Цзян Дун, казалось, устал, быстро проглотил лепёшку и потянулся за третьей. Его щёки были набиты, и, тщательно пережевав, он привычным движением достал бутылку воды из ящика на заднем сиденье.

— Поторопись, школа закрывается в десять, если не успеем, придётся ночевать в гостинице.

Только тогда брат Чжоу очнулся, повернулся и продолжил движение, но через пару секунд снова обернулся с недоумением:

— Эй, я думал, ты умеешь перелезть через стену?

Цзян Дун посмотрел на него через зеркало заднего вида:

— Общежитие закрывается в девять, лучше поторопись, иначе не только туда не успеешь, но и птиц не останется.

Выбор птицы занял немало времени, и брат Чжоу чуть не купил чижа, которого явно выдавал возраст, но был замаскирован под молодого. Если бы не настойчивые предупреждения Цзян Дуна, что это пустая трата денег, он бы уже опустошил магазин.

Цзян Дун удивлялся, как брат Чжоу, владевший магазином птиц уже восемь лет, мог так легко поддаться на уговоры продавца и его напыщенные речи.

Они вернулись с птичьего рынка уже в половине девятого, и брат Чжоу не успел угостить его горячим котелком. Цзян Дун чувствовал усталость, а съеденные лепёшки ещё не переварились, и он был сыт. Под взглядом брата Чжоу, полным беспокойства, он вышел из машины и медленно направился к школе.

На следующее утро Цзян Дун получил сообщение от брата Чжоу в WeChat.

Было два сообщения: первое — перевод, второе — видео.

Цзян Дун только что умылся, лицо ещё было мокрым, а трое его соседей по комнате всё ещё спали, их дыхание было ровным, и никто не храпел. Он взял полотенце с полки, вытер лицо и тихо вышел, закрыв за собой дверь.

В коридоре было тихо, на улице ещё не рассвело, было пасмурно, уличные фонари в школе уже погасили, и всё вокруг было серым.

Цзян Дун прислонился к стене и открыл видео.

<http://bllate.org/book/15499/1374856>